

Представленная на ваше рассмотрение статья заставляет задуматься о множестве стереотипов, которые существуют в нашем современном понимании всемирной истории. Многие представленные в ней факты легко проверить даже не отходя от компьютера, другие же, возможно, требуют длительного изучения и долгого разбора многих белых пятен в современном становлении исторической науки. Что любопытно! Научный мир встретил книги и статьи Айха Продоша заговором молчания. Никто не стал опровергать его. Мы совершенно естественно, как аксиому, воспринимаем такие понятия как «индоевропейцы», «арийская раса», не задумываясь о том, кто, когда, при каких обстоятельствах и для каких целей придумал эти термины. Все мы должны сердечно поблагодарить Святогору Мельничук за перевод этого сложного текста, наполненного образностью и тонким чувством юмора. Отдельная благодарность Станиславу Поляковскому за содействие в переводе. Не поленитесь прочитать до конца! Возможно вам нужно будет с чистого листа переосмысливать собственные устоявшиеся стереотипы.

Князь Огин

JENE SPRACHE NAMENS SANSKRIT

ЯЗЫК, КОТОРЫЙ МЫ НАЗЫВАЕМ САНСКРИТОМ

(Доклад доктора философии Айха Продоша (**Prodosh Aich**) на 4-й конференции аналитиков истории в Постдаме 12 августа 2008)

Санскрит считается наиболее высокоразвитым и сложно структурированным языком. Исследователи, стремившиеся установить время возникновения санскрита, из разных стран считают, что санскрит возник раньше всех других существующих европейских языков. Но никто не знает, когда же на этом языке разговаривали (т. е. был в разговорном обиходе). Вопросы и ответы об этом я с удовольствием оставляю экспертам по датировке.

Мы все знаем, что полные образности, научные и философские произведения, такие как Веды, Упанишады, Пураны, Сутры, Брахманарии и прочие, в Индии изучались, читались и цитировались на языке, называемом санскритом. Думаю, что и сегодня так же этому учат. Только в этой древней литературе нигде не встречается слово «Индия». Родина этих текстов - это Бхаратаварса.

То, что сейчас есть в обиходе и считается санскритом, на самом деле «занесено» так называемыми индологами в Европу только в XIX веке. Их «индология» должна была стать научным знанием про Индию. Они собирались на основе так называемого санскрита - по буквам, словам, предложениям, текстам, описать культуру и историю огромной, обширной территории - от юга Гималаев до океана, называемой Бхаратаварса, коротко представить ее как «древнюю Индию», ее жителей и их культуру. Мне даже сложно себе вообразить, к чему же подобное могло привести. Язык есть всегда отражение образа и манеры мышления. Богатство языка является свидетельством, проявлением богатства... того, кто этот язык создал.

Но шрифт не имеет ничего общего с богатством языка. Письменность это более позднее изобретение, чем сам язык. Передача звуков языка средствами (алфавитом другого иностранного языка едва ли возможно, и передает очень немного, т. е. все особенности языка, его уникальное богатство).

В конце XIX века в университетах Германии изучалась индология. Она не могла обойтись без *так называемого* санскрита.

Эти индологи не только придумали свою историю о санскрите, но и «дофантазировали» немало насчет всей истории культуры человечества. Судя по большинству дат, представленных там, скорее всего что-то похожее встречается в христианских

источниках (и по всей видимости взято именно оттуда).

Но как же «путешествовал» этот так называемый санскрит по Европе? Кто его открыл? Где? Когда? Поиск ответов на эти вопросы в исторических фактах, проливает свет на эту проблему. Впервые 2 февраля 1786 года о своем открытии заявил основатель и лидер Общества востоковедов в Калькутте, говоря о себе как о первооткрывателе.

«Древний язык санскрит, полон чудеснейших богатств - более совершенен как греческий, разнообразнее (богаче) латыни, более утонченный, благороднее чем они, (латынь и греческий), благодаря особенностям звучания слов, что имеют древние корни, в грамматических формах...»

Правда, этот президент общества востоковедов не сообщил нам, каким образом он пришел к подобному открытию. Странно, но еще ни один современный ученый не поднял вопроса об его открытии. Имя этого человека - сэр Уильям Джонс, сорока лет, который с осени 1783 года был британским судьей в Калькутте.

Но настоящий источник этой информации о «санскрите» нашего Уильяма, это вероятно, просто-напросто язык, бывший в разговорном обиходе в Индии XVIII века!

Как хорошо он знал греческий - неизвестно.

Через несколько месяцев после своего приезда в Калькутту, он основал Общество Востоковедов. Быть его членами имели право только британские колонисты аристократического происхождения. Азиаты же вступить в него не могли. Уильям Джонс решил использовать это сообщество как средство, с помощью которого можно было бы популяризировать в Европе сведения про Азию, Таким примером есть «Азиатское исследования», финансируемые Ост-Индской компанией. Это была первая лаборатория для фальсификации истории.

Кем же был этот Уильям Джонс на самом деле? Родился в 1746 году. Его мать, воспитывавшая сына сама, «выдрессировала» его, превратив в карьериста, стремящегося к покорнейшей службе. Несмотря на материальные трудности, она смогла дать ему возможность получить образование в престижной школе. Там, в Харроу, он и сформировался, став так сказать, «рыцарем удачи». Правда, он не очень переживал из-за того, что его мать и сестры были очень бедны.

Позже он изучал литературу в Оксфорде. Там же он взял себе псевдоним - Восточный Джонс. У него были способности к восточным языкам - арабскому, персидскому и китайскому. Он переводил исторические книги с этих языков на английский. Но кто же может это все подтвердить? Образно говоря, он был одноглазым среди слепых. Как, от кого и, что самое главное, *на каком уровне* он выучил эти языки, никому не известно.

Неожиданное счастье выпало ему в начале 1765 года. Он становится домашним учителем Джорджа, сына графа Джона Спенсера. Каким образом так случилось? Мы теряемся в догадках.

5 сентября 1768 года он обратился с письменной просьбой к леди Спенсер. С тем, чтобы она ходатайствовала за него перед лордом Спенсером, который в это время (1767 по 70 годы) был приближенным короля Георга Третьего, о рекомендации его на должность профессора в Оксфордском университете. Не совсем ясно, была ли это его личный замысел, или же к этому его подтолкнули его друзья.

Конечно, вряд ли он смог бы конкурировать с почтенными профессорами. Но он подчеркивал свое *знание восточных языков*, и говорил об этом так убедительно, что герцог действительно дал ему высокооплачиваемую должность переводчика восточных языков. Весьма заманчивое предложение как для 22-летнего юноши, знания восточных языков которого никто и не проверял! Что за счастливый случай для нашего Уильяма, который так переживал о том, что его сестры и мать не в состоянии поддержать его материально. Просто потрясающе!

Он письменно подтвердил то, что принимает это предложение. Но неясно, почему же это письмо нигде не было найдено, и его, вероятно, никто на самом деле и не видел. Скорее всего, он получил бы эту должность только в том случае, если бы

действительно имел достижения как переводчик и мог их продемонстрировать. Вскоре он стал бы послом в одной из восточных стран. Но быть переводчиком в том, что касается международных отношений - большая ответственность. Блеф и мошенничество в таких кругах неминуемо связаны с большим риском. Его дерзость превзошла все границы. 19 сентября 1770 года он начал обучение юриспруденции в Миддлтемпл. В 1774 году стал служащим. Со временем он познакомился с влиятельными людьми высших кругов лондонского общества... Правда непохоже что-то, что эти связи поспособствовали тому, чтобы занять какие-либо высокие должности.

К тому времени Ост-индская компания владела огромными территориями в Бхаратаварсе. Уже в 1773 году их переводят в собственность «короны», они управляются генеральным ведомством, которое состояло из четырех консульств, сплоченных и слаженно действовавших, и в связи с этим был учрежден верховный суд. Этот суд предоставлял высокооплачиваемые должности, на которые назначались служащие сроком на пять лет правлением британской Ост-Индской компании.

В ноябре 1777 года в Калькутте умер Стефан Цезарь Лемайстр, один из верховных служащих этого Высшего Суда. Весть о смерти этого человека достигла Англии в начале 1778 года. Уильям Джонс очень хотел занять его должность, он же считал себя «востоковедом». К тому же он был еще и юристом. Правда, странно, что ему как «востоковеду» было уже все равно – Персией заниматься или Индией, так как в его понимании это было что-то родственное(!). Для вящей убедительности он же еще был вхож в круги леди Спенесер.

Он стремился и делал определенные шаги для того, чтобы занять должность судьи в Калькутте. Разочаровавшись в этом, он решил перебраться в Америку. Он серьезно занялся приготовлениями к путешествию, а также участвовал в рассмотрении судебного дела, связанного с получением наследства, в котором был замешан его друг из Западной Виргинии. После он разослал всем близким прощальные письма и пустился в плаванье. Но спустя некоторое время, когда он был уже очень далеко, пришла весть о том, что его таки назначили на должность судьи. Огромные стремления Уильяма занять ее, все же дали свои плоды.

Однако наследство его друга из Виргинии было очень велико и составляло около 50 тыс. долларов. Теперь его больше уже не интересовала высокооплачиваемая престижная должность. Правда, душу Уильяма терзали сомнения, что же выбрать - богатство или славу? После долгих колебаний, он наконец понял, где же его ждет настоящая выгода.

Король Англии не мог бы допустить, чтобы представитель уважаемого должностного поста не имел дворянского титула. «Уильям Джонс» не слишком достойное имя для судьи, служащего в Калькутте. Стоит, чтобы британский чиновник имел статус, с которым человеку, имеющему таковой, обращаться было бы должно «Сэр». Поэтому он принял посвящение в рыцари от английского короля 20 марта текущего года.

После этого признания, Уильям Джонс женился, наконец, на Анне Марии Шиплей, влиятельной и состоятельной женщине. В это время ему было 37 лет.

Но пришел вскоре и час прощания. Ведь Бенгалия - земля, находившаяся так далеко. Фрегат «Крокодил» отчалил к берегам дальней земли Бенгалии 11 апреля.

Это не установлено, но вполне может быть, что во время своего длительного путешествия, он изучал книги про Индию. На то время уже были некоторые источники о ней, не христианских авторов, конечно, а персидских, арабских, греческих. Эти языки Уильям точно знал. Скорее всего, у него с собой была и «книга книг» (что и следовало ожидать - *Прим. пер.*)

Фрегат «Крокодил» шел по морю пять месяцев. Этого времени было вполне достаточно для того, чтобы внушить себе идею собственного миссионерства. Он снова осознал то, что он будто бы «Восточный Джонс». К тому же он представлял себе Бенгалию как задворки Персии в культурном и языковом смысле. Его соотечественники были в этом плане совершенными профанами.

То, что он вскоре по своем прибытии письменно обнародовал некоторые свои «духовные открытия» не удивительно. Никто собственно и не удивился. И до сегодняшнего дня не удивляется. И как же можно говорить об открытии вообще, если сам объект открытия был известен задолго до этого? Мы ошибаемся? Или же нам стоит задуматься о «возрасте» самого открытия?

Достаточно принять во внимание тот факт, что из далекой Бенгалии он мог вещать все что угодно. Главное здесь то, что сами рассказы звучали очень правдоподобно, но все

им утверждаемое просто на голову не налезит!

Он даже программу свою разработал, которая называлась «Шестьдесят тем об истории человечества».

Он решил рассказывать Европе про Азию не тем, что переводил и обнаружил бы восточную литературу. Ему хотелось пойти куда дальше, а именно, *придумать самому* историю Востока.

На самом деле ему удалось сыграть основополагающую роль в этом процессе. Продукт его производства и его потребители существуют до сегодняшнего дня.

Сегодняшний санскрит это продукция из Калькутты. Индология, в сущности, тоже. Впервые в конце XIX века, индологи открыли для себя, что древнейшая и богатейшая литература, то есть Веды, написаны не на так называемом санскрите, а *на ведическом* языке. Так же как и то, что «Санскрит» старше пракрита(!).

И то и другое – всего лишь алфавитные системы. Кто буквы знает, тот сможет дешифровать, озвучить написанное на пракрите или же «Санскрите», но не понять! Европейское «перепевание» ведической литературы до сих пор в моде - подобные вещи есть в массовой продаже. Их содержание не оставляет никаких сомнений в том, что их переводили именно с «*так называемого санскрита*». Этим и объясняется то, они сами и всевозможные трактования их индологами таковы, что не стоят и бумаги на которой напечатаны.

Этот раздел я хотел бы завершить постановкой двух вопросов. Сколько букв в алфавитах родных языков индологов? И какое значение имеет количество букв?

Три вышеназванных языка имеют вместе с Деванагри одну общую особенность. Даже в самых коротких словах слоги расположены согласно единому строгому правилу. И этот факт исключительно важен. Корневые слоги, корни приближаются к словам (т.е. похожи на слова), в другом слоге - стоят перед или после, или же с обеих сторон. Таким

образом, меняется смысл - «корня-слога», то есть, причина этого кроется в словостроении. Без *знания значения слога*, в его различных комбинациях, и грамматических правил *понять слово* невозможно. Бывает также, что два одинаковых слова имеют разные значения, в зависимости оттого,

в какой части

предложения они находятся и что значит

все

предложение!

Смысл целого предложения зависит от смысла абзаца, а смысл абзаца зависит от смысла всего отрывка

(с подобным довелось мне столкнуться при переводе на русский

древнейших

латышских дайн - священных песен -

Прим. пер).

Поэтому нет словарей этого языка. Но есть книги по грамматике. Каким образом корневые слоги разветвляются и далее развиваются (речь идет о сочинении отрывка) не изучено. К тому же книги по грамматике написаны так, будто все возникает из ничего. Именно появление систематизированных работ подобного типа, то есть грамматических справочников, также несет за собой многочисленные литературные, метафизические и научные теории. И не наоборот. Грамматические правила более позднего периода дают возможность понять смысл написанного в этих книгах (т.е почему они именно так написаны - прим. пер). С одной стороны так называемое языкознание, с другой - так называемое - сравнительное языкознание. Каналы, то есть доступ к ведической метафизике и ведическим научным знаниям, заложенные в этом языке, не изучены. И вполне возможно, что для широкого круга людей они не были доступны нигде и никогда. Причиной этого могло быть то что, на основе

настоящего

санскрита, пракрита, пали возникло около 14 языков, бытующих на территории Индии. Было отмечено, что из языка пали возникло наибольшее различных видов письменности. Эти новые языки состоят из 43 букв.

Грамматика, то есть строй языка в каждом языке самостоятелен. Он не зависит от особенностей письменности. Грамматический строй возникает намного раньше. Мы вскоре убедимся, что письменность, а именно буквы, были наиболее поздним способом передачи языка. И что интересно, они наиболее богаты тогда, когда передавать нечего.

В заключении я расставляю следующие акценты, отметив следующее. В древней литературе Бхаратаварса не встречается таких слов, как *переселение, раса, каста, Индия, религия, вера, храм*.

Эти понятия были изобретены позже.

Ученые так сказать, блондинно-голубоглазой-бело-христианской культуры даже не дали себе труда задуматься, о том, почему не существует словарей санскрита. И они себя сбили с толку, создавая словари. Они не отдавали себе отчета, или же не захотели отдавать себе отчета в том, что невозможно создать, упрощенный вариант этого древнего языка, вроде как Деванагри. Кому это было выгодно, мы вскоре услышим.

Все нам известные виды понимают друг друга с помощью звуков и жестов. И каждый из видов обладает своей, ему присущей манерой передачи сути посредством их. Так, кошки и собаки всех земель «общаются» безо всяких «научных» теорий. Так и люди всех стран понимали всегда друг друга и ныне также понимают. Без такого как «язык» и видоизмененной - так, как кому-то надо, «науки».

С какого де времени появилось столько «наук» для общения? Они до-колониальны или же пост-колониальны?

Только такой вид как человек пошел других видов дальше и изъясняется звуками и простой жестикуляцией. Или же так - другие виды это же сделавшие, мне неизвестны.

Древние, изначальные способы обмена и передачи, которыми обладали наши предки, должны были быть звуками и жестами. Везде.

Я представляю себе, что наши предки стремились создать четкую картину мира, чтобы она стала максимально ясной. И уже создав и осознав ее, творили систему звуков – для языка и жестов, для изображения и передачи определенного смысла. Это можно сказать - искусство изображения. Я представляю себе даже, что эта систематизация была следствием трудного пути, потому как пришел момент, когда появилась потребность в четких формах выражения, и без нее нельзя было обойтись. Различные взгляды, мнения, смыслы были выражены, проверены и доведены до кристальной ясности. Именно для того, чтобы в сознании отразился неискаженный смысл.

Любой взгляд на что-либо есть следствие наблюдений и опыта, мнений, фантазий, выводов о случившемся, что бесспорно влияло на нас, меняло нас и это определяет наше продвижение в выбранном направлении. Мы и движемся в определенном направлении. Мы слышим и видим определенным образом посредством нашего восприятия. Без каких либо технических приспособлений для этого. Мы наблюдаем движения глазами и фиксируем услышанные интонации языка. Происходит двусторонний обмен вопросами и комментариями. Никакого другого взгляда, точки рассмотрения, способа восприятия, который можно было бы назвать точным, то есть уверяющим нас в том, что воспринятое будет передано максимально правдиво и без искажения смысла, быть не может. Различные звуки и зримые образы характеризуют смысловые связи, которым присуща четкая, строгая структура.

До сих пор всегда имела место именно такая модель восприятия, исключая длительные недоразумения. Это значит, что мы можем понимать друг друга без научных «нововведений». Если бы эта модель восприятия была неправильной и неточной, неубедительной, она бы не сделала возможным накопления огромных знаний. К развитию науки в различных ее отраслях - от теории до грамматики ведет еще очень долгий путь. И эта длинная дорога не нуждается в посреднике. Другое впечатляет. Развитие алфавита, слога, слова, языка, литературы, философии, науки и грамматики *предшествует*. Когда же возникает необходимость языка как средства передачи и хранения информации? Он должен был быть всесторонне приспособленным для передачи всего того, к чему сознание пришло и накопило в течении очень длительного времени. Нужно было создать его (язык) таким, чтобы ошибки в передаче смысла того, что хранится в памяти, были минимальными. Регулярное, но закономерное появление ошибок наши предки предусмотрели, таким образом, появилось множество путей избежать их и прийти к способу безошибочной передачи глубинного смысла. Вот что это за пути.

- коллективные упражнения, которые должны были бы быть безошибочными, призванными создавать творения, не имеющие неточностей;

- создание «шпаргалок»;

- поэзия о событиях жизни, созданная на основе различных преданиях, стихи про события и результаты познания с определенным ритмом, созвучиями, подчеркивающими, накопленные знания, что хранятся в памяти народа.

И эти подчеркивания, т. е. акценты, благодаря их графическому изображению стали *символами* и легли в основу алфавита.

Разнообразие способов внешнего проявления и развитие фонетики, то есть «озвучивания» письменности есть бесспорное доказательство того, что наши предки считали внешние выражения внутренней сути – *имитацией* аудиовизуального материала, он так сказать служил средством «второго сорта надежности» и всегда потеря непосредственного звучания и жестикологии в пользу графического изображения вызвала обеспокоенность! С изобретением письменности как средства передачи смысла, речь зашла не только о воспроизведении тембра звука и установлении четкой манеры выражения глубинного смысла. Он утрачивался уже в устной речи, и кроме того, также и в процессе формирования «точки рассмотрения», т. е. мировоззренческой платформы. Так что мы постоянно сталкиваемся с возможной опасностью из-за этого «уровня надежности второго сорта».

Это бесспорно, что изобретение письменности, шрифта, а именно - открытие мобильного средства легкой передачи и распространения «ненаписанных книг» является значительным культурным достижением. К тому же наличие письменности сделало возможным широкое распространение веками накопленных знаний. Благодаря этому расширились временно пространственные границы. Шрифт как средство внешнего выражения и частичного обобщения того наследия, что сложно ему поддается, может обогатить наши знания. Но стоит отметить еще и следующее. Это все-таки приблизительное, так сказать усредненное обобщение. Без глубинной сути и без связи различных способов обозрения, взгляда (по-литовски это выражено более точным словом – *pasaulėjausta* - *Прим. пер*) все эти внешние проявления немногого стоят.

Теперь же вернемся снова к так называемому санскриту и его путешествию в Европу.

Александр Македонский (III ст. до н. э.) был первым европейцем, который столкнулся с Бхаратаварсой. Эллины еще и раньше имели торговые связи с теми землями, чем о ней впервые в мировой истории широко стало известно европейской общественности. Он бы не стремился проникнуть туда, если бы в его время ничего не было известно о богатейшей цивилизации по оба берега Инда. Ведь не планировалось разбойнических, грабительных походов туда, откуда нельзя было бы чего-то для себя взять! Вероятно, Александр был где-то недалеко от Индии. Он получил сильные удары со спины и должен был прекратить поход. Умер Александр в возрасте 32 лет. Эллины знали об Индии немало, и эти знания приобрели свою интерпретацию, но там не было ничего о *так называемом санскрите*.

Святой Фома столкнулся с этой темой в VI веке н. э. но не как завоеватель, а как искатель, исследователь. Относился к этому наследию доброжелательно. Христиане, последователи Фомы, еще немного остались в южной части этой земли, где они когда-то расселялись. Но ассимилировавшись, они стали частью господствующей культуры.

Португалец Васко да Гама - это ближайший к нам по времени «европейский завоеватель», который достиг земли Бхаратаварса в 1498 году по океану. Он сошел на сушу не в Гоа, как это раньше предполагали, а в Кохине. Несмотря на штормы и ветры, бывшие там. Он не имел товаров, или денег, - только сильных, вооруженных людей, много оружия и римокатолических миссионеров. «Завоеватели», совершившие длительное морское путешествие, наверно, надеялись прибыть домой разбогатевшими.

Кохин и южные берега плотно заселены. Это не слишком способствует успешным завоеваниям. И Васко да Гама поплыл на север, на земли, что вдоль побережья. В самой южной точке залива Мормугао на реке Цуари он осел. Это место находится за 800 км от Кохина, а от Гоа большие водные пространства и около 45 км суши.

Там он имел небольшие преграды. Его главным принципом был эффект неожиданности. Нигде ему не довелось столкнуться с трудностями. Шокирует жуткая brutальная жестокость завоевателей. Угнетение было очень велико. Вот, так сказать, пример христианской моральности! Они не имели жалости. Ветра и штормы подгоняли корабль в течение всего года, он плыл все к новым землям. чтобы завоевать их, и так продолжалось в течении длительного времени.

Васко да Гама получив немалые богатства, отчалил назад в Португалию. Оставшиеся завоеватели с оружием в руках остались, немного грабили и ожидали подкрепления. Вскоре прибыли португальцы с большим количеством кораблей и там оказалось немало завоевателей. Поступали по принципу - *туда* корабли и оружие, *оттуда* - с полными руками. После 11-летней систематической подготовки Альфонс де Альба смог взять столицу мусульманского правителя Адиль –Али шаха, которая сейчас называется Аль Гоа. Адиль- Али шах был сыном видного мусульманского воителя Махмуда Гована, что в 1470 году был единовластным правителем.

Таким образом Васко да Гама, великий открыватель Гоа, дважды открыл Гоа, в это же сделал вклад и Альфонсо де Альба. Засилие христиан было настолько велико, что даже до сегодняшнего дня в археологических музеях нет никаких памятников более раннего времени. Церкви и базилики, все богато украшено золотом - вот какова панорама города. Скорее всего, наиболее длительным периодом была именно португальская колонизация, которая длилась около 450 лет.

Историки и индологи, этой блондинно-голубоглазой-бело-христианской культуры придумали сказку о том, что Васко да Гама – это великий первооткрыватель морского пути в Индию. Это утверждение наполовину правда. Уже были хорошо известные торговые пути в Индию задолго до португальцев и прочих европейцев. Европейцам было известно, что земля не плоская, а имеет форму шара.

С этими морскими путями связано проникновение европейцев в Бхаратаварсу, и как следствие, грабежи, угнетение, насилие над местным населением. Это проникновение носит название колониализма, который стал основой для формирования капитализма. Ко времени Васко да Гамы сюда было привнесено христианство (то есть досл. крест), и относительная «демократия». И то и другое есть средством ограбления, уничтожения, отрицания исконной культуры и распространения своего влияния на другие области. В 1518 году там появились франсисканцы. Но как только был создан орден иезуитов, а именно в 1540 году, прибыл в Гоа иезуитский миссионер Франсиско Ксавьер. В 1548 году туда же прибыли доминиканцы и августинцы. Все иные католические ордена появились позже. Португальские колонизаторы занимались грабительством и порабощением. Меньше известно о языковом влиянии. Небольшие словарики и грамматические пособия для повседневного использования были в обиходе, причем имели свою интерпретацию. Назвать их исчерпывающими нельзя, поскольку дворянин Роберто де Нобиль не отличался настойчивостью и скрупулезностью, как например наш Уильям Джонс. Но он обратил внимание на богатейшую культуру Бхаратаварсы, и у него это вызвало большой интерес, как у колонизатора. Но до языка, на котором была

создана одна из богатейших древних литератур, он не добрался. Это не удивительно, что флорентиец Филлипо Сакетти, который будучи торговым служащим, 27 января записал все, что представляло интерес для европейских уважаемых людей. Он является еще одним образом «галереи» христианских колонизаторов, правда, был он не завоевателем, а скорее, миссионером. Он был одним из виднейших ученых и философов во Флоренции, к тому же и приближенным Медичи. По определенным причинам ему пришлось зарабатывать деньги.

Мне кажется, что это просто какая-то болезнь нашего века, что во всех частях света научные знания есть только на таком языке, который отличается от того, на котором разговаривают. Какой же болезнью поражены все эти люди, что их язык до такой степени рознится с тем, на котором существуют все научные знания! Требуется около шести лет чтобы его изучить, причем они не поступают как иудеи, которые сызмальства учат детей языку закона - как попугаев, которых обучают речи, заставляя повторять что-либо бесконечное количество раз, но эти же имеют грамматику, которая и служит их определенным целям. Язык сам по себе приятен и многозвучен, благодаря разнообразию звуков, которых около 53, и они требуют разнообразной артикуляции. Они легко переводят все наши основные определения на свой язык, и гордятся тем, что мы не можем сделать того же самого, поскольку отсутствует половина звуков. Это правда, что многим людям бывает сложно выразить должным образом слово со всеми важными ударениями (акцентами). Немалая роль в этом странном произношении принадлежит особенностям строения языка, мышц рта и других органов артикуляции. Они едят листья различных растений, а именно, красную капусту например, высушенные фрукты-avellana indica, например, а также смешивают все это с мелом. Подобная смесь используется для того, чтобы сделать полость рта сухой и обеспечить быстрые движения языка. К подобным мерам мы не стали бы прибегать, наверное.

Однако Филиппо Сакетти впервые «открывается» миру только в середине XIX века как предшественник создателя так называемого сравнительного языкознания, которое было просто сенсацией. Ему приписали по ошибке будто бы в своих «письмах из Индии» он открыл сходство с санскрита с латынью и греческим языками. Он поселился в Гоа осенью 1583 года и умер в 1588. В общей сложности он написал около 32 писем из Индии.

Член монашеского ордена Роберто Нобилия впервые «открыл» то, что принято ныне назвать санскритом. Генрих Рот. Он родился в 1620 году в Дилингене, в семье высокопоставленного чиновника. По окончании учения, он был легионером шведской армии, позже бежал из армии в Иннсбрук, где солдаты чуть не забили его до смерти. После выздоровления он решил стать миссионером.

25 октября 1639 года, будучи 19 лет от роду, он вступил в орден иезуитов и через 10 лет получает посвящение в священники. Позже он был отправлен сопровождать миссионера в Эфиопию. Они поплыли из Ливорно в Смирну, что находится в Турции, а потом оказались в Исфахане, столице Персии. Но они столкнулись с тем, что Эфиопия закрыла границы от католических миссионеров. Что же было им делать? Они решили отправиться в Гоа.

Иезуиты достигли иезуитской базы Гоа в 1652 году. То есть на 48 лет позднее, чем Роберто де Нобиль. Биография Генриха Рота не является характерной для иезуитов. Он соединял в себе черты наемника и посланника, авантюриста и разведчика, рыцаря удачи и одержимого.

В Гоа Генрих Рот выучил такие языки как персидский, урду, каннада. Каким именно образом, нам неизвестно. Мы только можем догадываться о том, что же из всего написанного было *повествованием о реальных событиях*. Генрих Рот переселился из Гоа в Агру. Это была столица Империи великих Моголов. Он занял высокий пост руководителя коллегии иезуитов, что находилась в тех краях. Там он шесть лет изучал санскрит. Он считал это необходимым для исполнения миссионерского долга и составляет грамматику около

1660

с латинскими комментариями. Об этом повествуют источники.

Только в 1988 году были обнародованы манускрипты. Любопытно, что индологи до сегодняшнего дня утверждают, что грамматический справочник Генриха Рота самый лучший из всех существующих. Это неудивительно. Рот использовал совершеннейшую грамматику, написанную и систематизированную в Панини.

Распространение санскрита в Европе базировалось на обнародовании крайне труднопонятной грамматики. Мы пришли к этому выводу на основе того, что восторженно утверждают индологи. К сожалению, они не слишком много внимания уделяли этой теме (проникновения санскрита в Европу - *Прим. пер.*), считая ее не стоящей внимания.

Считается, что католические миссионеры не прокладывали никакого пути для

проникновения санскрита в Европу. Но вернемся снова к Ост-Индской компании, в Калькутту.

Британских колонизаторов более интересовало порабощение местного населения, чем христианизация. Они поступали по принципу *разделяй и властвуй*. Колонизаторы покупали брахманов, чтобы сделать их своими личными советниками, так называемыми «пандитами». Это слово переводится как ученый.

Действительно были ли *пандиты* на службе Ост-Индской компании? Я пока воздержусь от комментариев. Интересно другое. Каким же образом, как же распространялось языковое влияние в той среде? Заставляет задуматься еще и то, что самом деле, нигде не зафиксировано документально, что «ученые», бывшие на службе в Ост-Индской компании, когда-либо именовали себя пандитами.

Когда сэр Уильям Джонс прибыл в Калькутту, он ничего не знал о так называемом санскрите. У него была цель войти в круги «высшего колониального общества» и зарекомендовать себя там как «Восточный Джонс». Он там нашел две организации. Центр книгопечатания, который возглавлял Чарльз Вилкинс. Этот человек хорошо знал местные языки и имел влиятельные связи вне этой компании. С 1770 года он жил в Калькутте. Из-за того что у него было не все в порядке со здоровьем, он отдыхал в Бенаресе (Варанаси). У него там было много свободного времени, чтобы хорошо изучить санскрит в тамошнем университете. Предприимчивый Уильям Джонс стремился к тому, чтобы начать свою миссию в качестве «пандита» центра книгоиздания, т. е. сотрудничать с 34-летним Вилкинсом.

15 января 1784 года он вступил в почтенные ряды колонизаторов, 13-м по счету и основал «научное» (без ученых) общество «Азиатская ассоциация Бенгалии» и назначил на должность руководящего генерала губернатора Варена Гастингса, который не имел законченного школьного образования(!). Естественно, он с благодарностью отклонил это предложение. Он воспринял «Азиатское сообщество» не просто как культурное достижение, но и как своего рода «вызов», новаторство, и считая себя недостаточно компетентным в подобных вопросах, счел нужным отказаться. Так, Уильям Джонс занял этот пост. Причем с великим удовольствием. Он стал ревностным продолжателем колониальной политики Варрена Гастингса. Вскоре после этого он узнал о двух крайне влиятельных людях Калькутты. Его мало беспокоило то, что с кругами, возглавляемыми Едмондом Бурке, Гастингс бескомпромиссно враждовал. Азиатское сообщество Бенгалии было первой фабрикой фальсификации истории и промывания мозгов. Даже

первый президент Индии Джавахарлал Неру подвергся промывке мозгов. Данный вопрос был уже поднят в книге «Ложь на длинных ногах».

В Азиатское сообщество самим *азиатам* был закрыт путь. Почему же так? На самом деле была нужна пропаганда новой «истории» поработителей, если местные жители стремились к благополучию в жизни. И что было бы им делать там, если сам начальник, «Восточный Джонс» даже не мог говорить свободно с ними на их языке? Данная организация сеяла зерна мировой манипуляции человеческими умами.

Сэр Уильям заложил основу для дальнейшей колонизации и христианизации Бхаратаварсы. Не зная ни слова, ни даже слога на санскрите, он объявил Чарльза Винкписа, который в течении 14 лет изучал в Калькутте местные наречия, величайшим знатоком санскрита вторым по величине! Это заблуждение бытовало и до сегодняшнего дня.

Кто же этот Чарльз Вилкинс? О нем осталось не так много документов, как о Роберте Кливе, Варране Хастингсе или же самом Уильяме Джонсе. Но этих сведений вполне достаточно, чтобы вписать его в ряды людей с подобными биографиями. На низкие должности в колонии посылали обычно молодых людей без начального и практического образования. По годам они были еще и тинэйджерами. Чарльз Вилкинс, как и большинство участников Ост-индской кампании, в Калькутте мог остаться незамеченным если бы не открыл свой непревзойденный талант изобретателя. Шло время консолидации и формирования захваченной власти, процессы которой ускорились после битвы под Палаша в 1757 году. Господствующий в Калькутте, который из завоевателя превратился в генерал-губернатора, то есть Варен Хастингс, рекомендовал поддерживать авторитет служащих изучением местного языка. То есть, возникла потребность в учебниках. Составители и издатели из Англии не так просто откликнулись на такое малопрактичное предложение. Настал звездный час для Вилкинса. Он стал упражняться в письме, выводя бенгальские буквы в манной каше.

Он должен был стать первым переводчиком «Бхагавадгиты». Мнимое изучение санскрита в университете Варанаси должно было помочь ему в этом. «Бхагавадгита» - это один из центральных эпизодов Махабхараты. Это произведение создано на санскрите. Но *переводы* его существовали на всех языках, употребляемых в Британской

Индии, то есть, на арабском и персидском. Кто бы стал возражать против *английского* перевода? Да, собственно, никто, если бы не требовалось знание языка оригинала. Сэр Уильям также утверждал, что он знает 32 языка. Он тщательно подошел к редакции этого перевода, но сам-то и до 32-х посчитать не мог! И объективно оценить свои знания - тоже. Он содействовал так называемому переводу Чарльза Вилкинса. Книга была украшена восхваляющим предисловием Варена Хастингса, напечатана Чарльзом Вилкинсом в Калькутте и распространен в Англии. Мы не располагаем копией этого издания, и также не имеем никаких сведений о роли «пандитов» в этом «открытии».

Наш рынок изобилует подобной переводческой продукцией и ныне. Бхагаватгита переводилась более сотни раз, настолько она популярна в блондинно-голубоглазой-бело-христианской культуре. Естественно с оригинала, как утверждают.

Второй величайший знаток санскрита низайше просил Чарльза Вилкинса создать словарь при помощи и содействии пандитов. Но Вилкинс не имел возможности сделать это в Калькутте. В следствии болезни в 1786 году он отплывает в Англию. Там он живет весьма долго. Но без пандитов он был беспомощен. Вместо долгожданного сэром Уильямом словаря он предоставил сборник текстов для чтения. Однако уже существовали переводы этих историй с персидского на английский и французский, под названием «Сказки Пилпая». Мы не знаем, имел ли Чарльз Вилкинс этот сборник в бенгальской версии. Несмотря на спрос на переводную с санскрита литературу ему не удается предоставить новые переводы.

В 1795 году - Сэр Уильям уже умер - ему удалось обнародовать истории о Доошванте и Саконтале, переводит с Махабхараты отрывки в Лондоне. Но неизвестно, на каком языке он читал Махабхарату. Далее следует еще одно белое пятно в биографии до 1801 года, когда он стал работать библиотекарем в недавно учрежденном музее в Лондоне. Затем он издал в 1808 году грамматику санскрита. При этом он никогда и никого не уведомлял о том, что изучал этот язык.

В то же время сэр Уильям прилежно «работает» и без словаря, и без грамматики. Он издает сборник пользующихся постоянной популярностью историй - «Восточные исследования». Он мог это все напечатать в Калькутте и через Лондон направить дальше в Европу. Ост-Индская компания финансировала этот проект, причем охотно. Им были выгодны все эти публикации. Они служили к вящему доказательству того, что

христианские колонисты вершили твердое и победоносное шествие, неся десять библейских заповедей. Сэр Уильям продолжил время своего пребывания в Калькутте еще на пять лет. По состоянию здоровья он позволил своей супруге отплыть назад в Лондон в 1788 году. Его жажда славы, богатства и влияния была более важна для него чем то, увидит ли он когда-либо свою жену снова. В 1794 году он уходит из жизни, но его фабрики и производства продолжают жить. Но интересно то, что в кругах служащих Ост-Индской компании никто не учил санскрит. При этом в Европе интерес к этому языку стремительно возростал. Почему же так? Результаты психосоциального анализа этой проблемы, вероятно, были бы взрывоопасны.

XIX век породил много знатоков санскрита. Если бы еще эти люди были заинтересованы в том, чтобы изучать подлинный санскрит. Согласно документам, новые ученые росли, как грибы после дождя. Ими были в основном европейцы. В основном немцы, но почва для их «произрастания» была и в Лондоне, и в Париже. Почему? Да потому что в тамошних музеях была не разобранный свалка древних книг и манускриптов.

Эти новые исследователи санскрита изучали язык весьма своеобразно. Александр Гамильтон, Леонард де Шези, Франц Бопп были первооткрывателями. Но именно младший из братьев Шлегелей, Фридрих фон Шлегель (1772-1829), первый обнародовал книгу под названием «О языке и мудрости индусов». Это была попытка рассмотрения и исследования древнего мира. Издана была эта работа в Хайдельберге в 1808 году. Это было первое немецкое издание литературы подобного жанра. Для новых почитателей Востока эта книга стала чуть ли не евангелием.

Чего только в жизни не бывает! В 1803 году Доротея и Фридрих Шлегель живут в Париже. 31 года от роду, Фридрих собирается изучать восточные языки. Каким же образом? Он говорит... *«по самому доскональному сборнику работ о восточных языках»*.

Что есть общего между сборником
теоретических работ
по восточным языкам
и изучением

самого языка? Он решил пойти следующим путем. Взять перевод и оригинал. Перевод может быть на разные языки - санскрит, персидский, арабский и так далее. То есть, в общем перевод будет ему несколько понятен. Естественно, воспринимать он будет то, что написали эти

переводчики.

А дальше началась игра в загадки.

Шлегели были небогаты. Они снимали большую меблированную комнату в многоэтажном доме. 15 января 1803 года Шлегель так писал своему брату. *«Учебник обыкновенного индийского языка у меня уже есть*

(Какого?),

но заниматься санскритом я начну только в начале весны. Если пособие есть в библиотеках

». Разве вся эта ситуация не вызывает интереса?

15 мая 1803 года он сообщил своему брату о блестящих достижениях: *«Как же все хорошо складывается, Я уже так многому научился. У меня успехи не только в персидском языке, а, наконец, достигнута поставленная крупная цель быть осведомленным в санскрите. Думаю, что через четыре месяца я смогу читать Саконталу в подлиннике, а также буду нуждаться в наличии перевода. Требуется много усилий для этого так как так как я должен был выучивать элементы без элементарных книг. Я наконец понял то, что англичанин Гамильтон был единственным в Европе после Вилкинса, кто знал все это, и вообще обладал основательными и обширными знаниями. Мне бы приблизиться хотя бы до уровня Рота».*

Лучше бы этот авантюристический метод изучения языка никогда не имел места

Но уже 14 августа он сообщил своему брату следующее:

«Я длительное время работал над изучением санскрита и уже имею глубокие знания. Уже успел приложить руку к копированию одного манускрипта. В ходе этой моей деятельности мне удалось то же сделать с двумя словарями. По 3-4 часа в день я работаю над санскритом, потом час или два изучаю наследие Гамильтона, и даже уже поздно вечером я имею так много работы, что приходится ей посвятить еще не менее двух часов».

Он вручную копировал тексты, написанные на санскрите и апеллировал к написанному Гамильтоном, который, вероятно, знал буквы намного лучше. Где и когда Александр Гамильтон выучил санскрит - неизвестно. Известно только то, что он прибыл в Калькутту в конце 1784 года и там служил офицером невысокого звания. Вскоре он ушел в отставку. У него не было никаких связей с сэром Уильямом или Чарльзом Вилкинсоном, с пандитами он также не имел возможности сотрудничать. К тому же нет никакого серьезного основания утверждать то, что Александр Гамильтон был вхож в

круга знатоков санскрита вообще. Известно также, что он два или три года в Париже проводил работу по систематизации книг и манускриптов написанных на санскрите и языке бенгали, которые вышли в свет под его именем и именем некоего французского «востоковеда», не знающего языков Индии, Мате Лангле. Первое издание датируется 1807 годом. Возможно также, что он, будучи 44 лет от роду принял участие в деятельности только что основанной Ост-Индской компании, а именно учился в Гартфордском колледже, учрежденном ею, и все это делал крайне увлеченно. В 1814 году он опубликовал «Термины грамматики санскрита» - еще одну работу, подписанную его именем, единственную публикацию, которая наряду с каталогом, подписана его именем. В 1818 году Гамильтон прекратил обучение в этом колледже по собственному желанию, а уже в 1824 году он скорострительно скончался. Такая вот трагическая биография.

Мы только можем представить себе уровень и качество санскрита бытовавшего в Париже, как знал этот язык и сам Гамильтон, и вообще - что такое «европейский санскрит», первый словарь которого вышел в 1919 году. Антонин Леонард де Шези работал в отделении египтологии королевского музея в Париже. Он познакомился с искусством Египта благодаря своим поездкам туда. Но в 1803 году, когда ему выдалась возможность совершить очередное путешествие, он неожиданно заболел. Это все было очень на руку Луи-Матье Ланглезу. Который был одним из ведущих востоковедов Парижа. В дальнейшем де Шези узнал от немца фон Гафстера, который был знаком с семейством Шлегелей, что они изучают санскрит по наследию Гамильтона.

Хорошо известно, что Александр Гамильтон и Леонард де Шези встретились. Точно известно, что Антуан Леонард де Шези не был заинтересован перед этой встречей в санскрите и соответственно знал мало об этом. Он вообще был египтологом. Как только в нем проснулось любопытство, он учит санскрит «тайком», его изучение было «основано на самообучении» именно тогда, когда Александр Гамильтон покинул Францию. Вообще трудно себе представить, каким образом француз в Париже удавалось учить санскрит, не имея толком ни словарей, ни учебников по грамматике. Я не могу понять, при всем своем желании, как француз в Париже без преподавателей, без книг грамматики и словарей по санскриту может учить этот язык. До сих пор современные историки и индологи не имеют никакой трудности справляться с этой задачей *"тайком"* и *"основываясь на самообучении"*.

Но жизнь крайне разнообразна и нередко приподносит сюрпризы, особенно этим новоявленным гениям, которые были у всех народов. 29-летняя Гелимина Гаустфер (1783-1856) в 1812 году знакомится с Францом Боппом под именем Гелимины де Шези. Он стал основателем немецкой индологии. Он родился 14 сентября 1791 года в Майнце. Его академический преподаватель Виндишманн, профессор философии и истории

вдохновил его и своего сына заниматься филологией. Это им обоим было очень по душе. Когда ему исполнился 21 год, он понял, что в его родном городе бесполезно искать себе достойное будущее.

Увлеченная Востоком Гелимина, на самом деле носила имя Вильгельмина фон Кленке. Ее отец был военным, а мать поэтессой. Она рань стала самостоятельной, и не воспитывалась в особенной строгости. В 16-летнем возрасте она вышла замуж за Густава фон Гастфера, но уже через год они разошлись. И она решила отправиться в Париж. В то время с 1803 по 1807 год там издавалась газета «Franz?sische Miscellen». В 1805 году она вышла замуж за Антуана Леонарда де Шези, одного из известных востоковедов, который до 1807 года усердно занимался изучением персидского языка, а в 33 года стал профессором санскрита в Коллеж де Франс. В 1810 году она ушла от Шези, переняла его имя, занималась самыми различными делами, словом вела образ жизни эмансипированной женщины своего времени. Она усердно занималась перепиской. Она стала влиятельным человеком своего времени и начала создавать версию своей биографии. Она собственно и уговорила молодого Франца Боппа отправиться в Париж, где ее бывший муж, Леонард де Шези, занимался санскритом.

С 1812 года Париж очень привлекал востоковедов. Французские колонизаторы усердно собирали и книги, и манускрипты, и памятники восточного искусства, которые они не могли ни прочитать, ни понять. Разве что захватить. В конце концов, добычу выгружали либо в Королевскую библиотеку, либо в Королевский музей. Где они портятся или действительно каталогизируются. Из Египта Франция уволокла больше культурных достояний, чем из Индии. Такая коллекция рукописей в библиотеке всегда образует пункт для любопытствующих всякого рода.

1 января 1813 года Франц Бопп написал свое первое письмо из Парижа. Адресовано было оно его влиятельному другу, профессору Виндишману. Вот что там значилось: «Я длительное время занимаюсь арабским языком. Но так надеюсь, что у меня появится возможность уделить внимание и другим восточным языкам. Доведя свое изучение арабского до какого-то логического конца, я перешел на персидский. Где-то недели через две уже рассчитываю читать несложные рассказы на этом языке. Но языки Индии здесь не читаются и никто не изучает их. Я буду первым человеком, который займётся этими вопросами. Надеюсь, что летом я буду параллельно изучать персидский и санскрит. Благодаря этому я смогу немного заняться переводами персидских и индийских авторов, если, конечно, волею судьбы мне будет дано остаться на некоторое время в Париже. Если я приступлю к занятиям санскритом, де Шези сможет помочь мне занять достойную должность. Он здесь единственный, как я слышал, кто занимается этим языком.

Франц Бопп был слеплен из того же теста, что и Уильям Джонс. Он начал не с санскрита, как ему и посоветовали. Он начал изучать арабский язык, но он пребывал в полном неведении, что арабский и санскрит на самом деле не имеют ничего общего

Его следующее письмо своему наставнику было таким. Он пишет. *«Я преодолел первые трудности в языке, на котором имеются индийские знания. Я теперь с потрясением наблюдаю за тем, что я на самом деле в состоянии изучить красивейший, наиболее важный и тяжелейший восточный язык, выучить безо всякой посторонней помощи. Я усмотрел сходство между санскритом и латынью, греческим. Буду продвигаться далее, по стопам Фридриха фон Шлегеля».*

Еще не начав учить санскрит, он знал вот что. Он говорил в скором времени: *«Немецкий язык так хорошо приспособлен к тому, чтобы должным образом на него переводить оригинальные индийские тексты. Я сделаю все возможное, чтобы на немецком можно было прочитать Рамаяну. Первую часть, что уже переведена на английский, я почти закончил. Скоро приступлю и ко второй. Правда, это будет очень вольный перевод, поскольку переводить с манускрипта я не в состоянии».*

И де Шези тоже в этом деле не очень-то компетентен, несмотря на то, что посвятил санскриту более шести лет. Это все было написано 27 июля 1814 года.

В 1812 году он прибыл в Париж, чтобы изучать санскрит у де Шези. До марта 1814 года он занимался только арабским. Как мы помним, в июле 1814 года он писал своему учителю о том, что у де Шези выучить санскрит **НЕВОЗМОЖНО**. Кроме того, в знатоке он, как бы, не нуждался. Далее читаем из его писем. «

Я думаю, что если я прочитаю все про индийскую мифологию, о которой написано на европейских языках, правильно во всем разберусь, то смогу пойти дальше, стремясь взять из источников по максимуму. Тогда все станет ясно насчет индийской философии, но не только индийской, а также нашей родной и греческой в том числе. Тогда, дорогой друг, я буду в состоянии понимать индийские книги без перевода, и как я вижу даже без словаря».

То есть, получается, он знал санскритский алфавит и фонетику настолько хорошо, что у него появлялись уже мысли о том, что он уже что-то понимает. А как же такое могло быть? 27 июля 1814 года он писал своему учителю **«...я придумал алфавит, для того чтобы обеспечить правильную передачу санскритской буквенной системы. Когда я напишу грамматику, я смогу эту свою новую буквенную систему применить, и тогда у меня появится возможность издать перевод Бхагавадгиты, так прекрасно сделанный Фридрихом фон Шлегелем. Это будет издание и латинского перевода. Тогда мой брат, вероятно, сможет издать также некоторые отрывки, написанные с помощью буквенной системы Деванагари».**

Он обосновал свои намерения. Мы читаем в его письме от 27 июля 1814 года. Те оригинальные тексты, что приходят из Калькутты настолько дорогие, что мало кто может себе позволить их купить, разве что очень богатые люди, а если несколько томов, то тем более. Первый том Рамаяны стоит здесь 160 франков, а грамматика Кери - 280. Он задумался о ценах. Он станет продавать немецкие переводы по самой низкой цене. И будучи в этой миссионерской эйфории, он подумал, что санскрит неплохо послужит его личным целям. Но это был не единственный его аргумент в пользу подобного рода деятельности. Вот что он писал далее. **«Люди записывают санскрит более чем 10-ю способами. Чуть ли не каждый народ населяющий Индию изобретает свою собственную манеру писать на санскрите. Почему же нам, европейцам, чьи языки также происходят от санскрита, не изобрести свой собственный алфавит, чтобы разнообразить уже существующие буквенные системы».**

Да, конечно, отчего же европейцам не развить свою собственную «санскритскую письменность»?

Франц Бопп постоянно подчеркивал, что он может выучить санскрит без всякой посторонней помощи. Но это было его личное представление. В то время в Париже в наличии были следующие книги «Грамматика санскрита», написанная миссионером Уильямом Кери, 1804 года издания. А также еще и грамматика Чарльза Вилкинса, работа Фотсера «Размышления про грамматический строй санскрита», 1810 года. Но какого качества были все эти работы? Ясное дело, сомнительного качества! Это были первые попытки интеллектуалов. Быстро следовавшие друг за другом издания указывали не только на поспешность.

В 1816 году Франц Бопп подготовил к изданию книгу под названием: «Про системы спряжений в санскрите на основе сравнений с германскими, греческим и латинским, а также, персидскими языками, а также избранные эпизоды из Рамаяны и Махабхараты, переведенные с оригинальных текстов и некоторые главы из Вед». Издал эту книгу К. Виндсманн. Каким образом Боппу удалось в период с 1812 по 1816 года все это ввести в обиход? И кто мог написанного им проверить?

Наконец в 1819 году в Калькутте выходит такой ожидаемый сэром Уильямом в 1784 году английско-санскритский словарь под руководством Горация Хаймана Вильсона. Большая часть этой работы должна была быть выполнена пандитами, на каком языке они сообщали свои сведения европейским колонизаторам и каково было качество этого сотрудничества - неизвестно. Кстати, ничего не известно про интеллектуальный уровень самих этих пандитов. Точно можно утверждать только то, что они утверждали абсолютную чушь. К примеру, то же самое можно сказать про этот английско-санскритский словарь. Все эти издания финансировались Ост-Индской кампанией.

Август Вильгельм фон Шлегель (1767-1835), старший из братьев, именно в то время прибыл в Париж. Там он занимался изучением санскрита вместе с Францом Боппом. В 1818 году он был 51-летним профессором санскрита в Бонне. Первым из немцев. Он очень позаботился о том, чтобы центром по изучению индологии и санскрита стала не Англия, ни Франция, а именно Германия. Он стал крестным отцом санскрита.

15 октября 1800 года родился очередной «Уильям Джонс». Это был Томас Бабингтон Макаулай. Как отпрыск знатной евангелистской семьи он имел лучший старт, но те же черты характера. Он станет не только «богом-отцом» теории «арийской расы».

Он рано начал свое образование в Тринити-Колледже, и имел достойную репутацию прекрасного оратора и конгениального человека в кругах студентов. Но особого рвения к изучению юриспруденции не имел, так как больше занимался написанием стихотворений.

А в 1823 году появился еще один «Уильям Джонс». Это был Фридрих Максимилиан Мюллер, родом из Дессау.

В 1826 году Томас Бабингтон практикуется в качестве адвоката. В отличие от Уильяма Джонса ему пришлось заботиться о благосостоянии всей семьи, так как его отец наделал долгов. Он работал репетитором, зарабатывал также творчеством, работал на невысокой чиновничьей должности. В дальнейшем как лучший из ораторов он получил должность секретаря «границ контроля» Ост-Индской компании. Он быстро шел вверх по карьерной лестнице. И его амбиции также росли.

Он сумел создать в парламенте такой закон, который приносит ему доходную должность юрисконсульта в верховном совете Индии. Об этом в Британской энциклопедии будет написано следующее: «Макаулай занимал высокие должности только для того, чтобы накопить для своей будущей жизни. Да уж. И такое бывает. 10000 фунтов за фальсификацию истории. Как всегда. Как обычно! В 1834 году он отплыл вместе со своей сестрой Ханной в Калькутту. Но они вскоре расстались, так как она вышла замуж за Эдварда Тревелияна. Ее биографию позже написал ее сын, а Томас Бабингтон в парламенте имел доход около полторы тысячи фунтов. А позже и все 10 тысяч. Так писали «историю».

2 февраля 1835 в Калькутте он подает проект воспитательной программы для колонизированной Индии. 7 марта он утверждается. Ядром его программы является следующее: *«Я ничего не знаю ни про арабский язык, ни про санскрит, но я сделал все, чтобы дать им правильную оценку. Я читал знаменитые переводы с этих языков. И могу оценить восточные учения самостоятельно. Я не знаю никого, кто бы смел отрицать то, что одна полка хорошей европейской библиотеки ценнее всей литературы туземцев Индии и Аравии вместе взятой. Имманентное превосходство западной литературы является, в действительности, полностью принятой.*

В Индии английский язык - это язык господствующего класса... из всех языков он наиболее подходит для туземцев. Мы хотим сделать так, чтобы местное население получило хорошее знание английского языка. Мы не хотим оставлять туземцев во влиянии их собственных предубеждений. В мгновение ока мы должны добиться того, чтобы сформировать класс, который стал бы посредником между нами и теми миллионами людей, над которыми мы господствуем. Это должны быть индусы по происхождению, но англичане по вкусам, моральным и этическим нормам, мировоззрению и интеллекту. Эти люди должны будут принять участие в видоизменении местных языков, их усовершенствовании, привнести европейские тенденции. Мы так же должны постепенно оснащать их средствами массовой информации, которые будут способствовать нам. Это будут первые шаги по распространению знаний широким массам».

Вот такая основательная программа культурного клонирования. Вот что писал Томас

Макулай своему отцу 12 октября 1836 года: «Я глубоко уверен в том, что наша культурная воспитательная программа будет исполнена и спустя тридцать лет на пространствах Бенгалии не останется ни одного идолопоклонника в почетных семьях. И это будет сделано не путем даже незначительного вмешательства в их религиозную жизнь, а естественным способом распространения знания. Я сердечно радуюсь всем этим перспективам».

После своего возвращения из Индии он поселяется в Эдинбурге. Все это время он усиленно занимается поисками «ученых», которые смогли бы перевести древнюю санскритскую литературу – Веды – с **удобным** для него содержанием. Эти переводы (вольные трактовки скорее - Прим. пер.) были призваны убедить этот новый класс блондинно-голубоглазой-бело-христианской культуры, что Новый завет библии перекликается со старыми Ведами. Наконец в 1854 году он находит Максимилиана Мюллера (1823-1900) из Дессау. В 1859 году изобрел он «Теорию арийской расы». По его утверждению, «арийская раса» воспета в Ригведе. При этом он может разбирать по достоверным источникам Веды записанные шрифтом Деванагри. О чтении и понимании им ведических текстов ничего не известно. И эту информацию замалчивают. Только в 1878 году он узнал о том, что ведические тексты написаны не на классическом санскрите.

Фридрих Максимилиан Мюллер родился 6 декабря 1823 года в Дессау, в столице независимого Герцогства Ангальта-Дессау. Его дед работал в торговле, а его отец работал преподавателем гимназии, но позднее женился на дворянке Аделаиде фон Базедов. Они надолго поселились в Дессау. Отец Вильгельм умер в возрасте 33 лет, оставив жену и детей - дочь 4-х лет и шестилетнего сына. Детство Мюллера проходило в ужасающей бедности. Овдовевшая Аделаида вначале жила у своего отца, но позже начала снимать квартиру на нижнем этаже крохотного дома. Она обходилась приблизительно 150 талеров в год. Честолюбивая мать, аттестат в Лейпциге, маленькая стипендия в 15 талеров, студенческая корпорация, изучение филологии, классическая греческая и латинская литература и философия. В Лейпциге он учился около двух лет. Больше Мюллер нигде не учился.

Следующая небольшая история очень красноречиво характеризует его. Речь пойдет о 1841 году. Барон Хагедорм был в *очень хороших отношениях* с двоюродной сестрой Фридриха Максимилиана. «...Она была замужем за первым герцогом Дессау. Они оба были уверены в том, что Максимилиан учился в востоковедческом колледже в Вене, и после изучения восточных языков должен был получить место дипломата. Он имеет право на дворянский титул. Но отказался от него. Но почему же? Он заслуживает этого. Видимо, не хочет изменять своей первой любви – санскриту». Верите ли Вы в эту милую историю?

Исследование всей его биографии от начала да заката жизни есть на странице 93. Перед разделом «Про университет». Но я считаю своим долгом сообщить о том, что впервые Максимилиан столкнулся с санскритом в зимнем полугодии 1841-42 годов.

Германн Брокгауз прибыл в Лейпциг зимой 1841 года. Его наставниками по санскриту были Шлегель и Христиан Лассен. Итак, «школа» самоучки Франца Боппа. Он предлагает ему лекцию о грамматике санскрит. На который он оперся?

Перед своим отъездом в Берлин Фридрих Максимилиан услышит еще одну лекцию от Германа Брокгауза, который повествовал о Ригведе. Все индологи того времени читали «Азиатские исследования». Эссе о Ригведе Томаса Генри Колебрука - человека тоже с неординарной автобиографией, было опубликовано в 1801. С тех пор каждый индолог занимается Ригведой опираясь на это эссе. Но речь не об этом. Он пишет *«Данной работой мои исследования заканчиваются, поскольку я переселяюсь в Берлин, для того, чтобы быть готовым услышать и понять сказанное Боппом и Шеллингом»*. Нет никакого упоминания о том, что он сдавал экзамен в Лейпциге.

Франц Бопп принял Максимилиана Мюллера «очень любезно», но все же он испытал разочарование. Так как Франц Бопп (С. 128-129, автобиографии): *„тогда в возрасте 53 лет он выглядел уже стариком. Во время лекции он читал, «Сравнительную грамматику» с помощью увеличительного стекла и добавлял только небольшое новое. Он оставил мне несколько латинских рукописей, которые он переписал в юности (мы благодарны Фридриху Максимилиану Мюллеру за этот интересный взгляд на усердную деятельность Франца Боппа в Париже), но в действительно трудных моментах он не мог мне помочь»*.

Также в Берлине он не видел перспективы заканчивать свою деятельность. Спустя два дня он сделал следующую запись в своем дневнике (Nirad C. Chaudhuri, С. 43): *«Я не брошу занятия санскритом, несмотря даже на отсутствие перспективы»*. Через два месяца он писал своей матери в расстроенных чувствах: *«Меня тянет вон из Берлина, ибо я имею все предпосылки стать ипохондриком. Это не временное чувство и оно опирается на определенные обстоятельства, которые навевают на меня грустные размышления. Мысли смешанные какие-то. □ Я ощущаю, что не могу воплотить в жизнь свои планы. Ты можешь себе представить, как мне тяжело распрощаться с моими еще недавними идеями. И в моей ситуации глупо стремиться к университетской карьере»*.

Каким же великим было его разочарование в Франц Боппе, что спустя три четверти года он совершил путешествие в Париж. Он решил поехать туда, так как надеялся там продолжить изучение санскрита. Этим языком там занимался французский индолог Эжен Бурно. С 1832 года он работал профессором в Коллеж де Франс. Только у Леонарда де Шези он мог учить санскрит, который, как мы помним, как и Франс Бопп учил этот язык без посторонней помощи. В Париже 22-летнему Мюллеру приходилось еще учить и французский.

В Париже он не имел стипендии и ему приходилось зарабатывать себе на жизнь. Каким же образом? В Париже интересующихся Востоком было больше, чем санскритских текстов. Еще не существовало копировальных аппаратов, поэтому существовал рынок переписанных копий. На стр. 142-43 его биографии он пишет: *«У меня не было другого способа заработать, кроме как копировать и сравнивать санскритские тексты. Я просиживал ночи за этим занятием. Я жил так - работал целую ночь, а потом спал всего три часа в сутки. Спустя три дня я отсыпался. И так продолжалось все время».*

К 1846 году он перекопировал все имеющиеся в Париже санскритские тексты. Он знал, что Ост-Индская кампания имеет более обширное количество манускриптов. Но в Лондоне он мог побыть всего две недели. Он обратился к барону Кристиану Карлу Джозиасу Бансену (1791-1860). Тот был уважаемым прусским дипломатом в королевском дворе Лондона. Он встретился с отцом Мюллера в Ватикане. Стоит сказать, что герой нашего рассказа был ревностным христианином и увлеченным ориенталистом. В студенческие годы он прочитал эссе Томаса Колеброка про Веды, 1801 года. Но после того как 23-летний Мюллер задался целью собрать все части Ригведы, в нем опять проснулась былая тоска. Он захотел поддержать его всеми силами.

У него и правда были «силы», причем не только финансовые. Пока Максимилиан усердно переписывал манускрипты, барон Бансен после длительных переговоров добивается от Ост-Индской кампании финансирование публикации Ригведы. Сумма большая - около 200 фунтов ежегодно. Но Ост-Индская кампания не берет никакого «иностранного легионера» без контроля. Его ставят под контроль «надёжной сторожевой собаки», то есть Горация Вильсона. Да, это тот Гораций Хэйман Вильсон, который **в 1819 обратил в христианство находящийся сегодня в обращении санскрит** . У него также трудноопределимая биография.

Если можно стать знатоком языка благодаря копированию рукописей этого языка, тогда

Фридрих Максимилиан Мюллер был самым большим санскритологом всех времен и народов. После того, как он стал наемником Ост-Индской кампании, он не захотел далее учить санскрит.

На одной вечеринке **в 1854 году** барон Бансен узнает, что Томас Бабингтон Макаулай уже долго ищет "ученого санскритолога", который может обеспечить эффективное долгосрочное фланговое прикрытие его "воспитательной политике" в Индии. Внедрение английского образования в Индии предполагало следующее:

«Никакой индус, получивший английское образование, не должен оставаться в своей исконной религии. Проект должен был формировать класс, который мог бы быть посредником между нами и миллионами людей, над которыми мы господствуем; класс людей, индийцев по цвету и происхождению, но англичанами во вкусе, в мнениях, в представлениях морали и в интеллекте

» эта программа выполнялась великолепно. Но его „новый класс“ должен был быть **иммунизирован**

против спада. Все старые тексты санскрита должны были переводиться в христианском духе. Эти переводы должны заливать рынок. Остальные переводы должны вытесняться с рынка.

Фридрих Максимилиан был избран для иммунизации «нового класса». За хорошие деньги от Ост-Индской Кампании. Его доход должен был быть около 10 тысяч фунтов в год. Княжеский гонорар для человека, который не имел даже никакой академической научной степени в Германии, но в результате попал просто в «Эльдорадо индологии».

Он датировал древние санскритские тексты и перевел 51-том «Собрания священных книг Востока» и даже перевел некоторые. Он сообщил миру, что в «гимнах» Ригведы иммигрировавшие индоевропейцы, называют себя «арийцами», и воспевают свою первоначальную родину. Его (Мюллера) идеей является и то, что отныне предполагаемые иммигранты получили также расовое тождество. Но коварство состоит в том, чтобы он не знал различия между ведическим языком и санскритом во время создания своих "творений".

Однако он хорошо знал, как служить покровителю. Он вел успешную пропаганду: *«Учить санскрит у пандитов*

в Индии по местной грамматической системе очень скучный процесс; и это основная причина, почему эта часть образования гражданских лиц должна была происходить в Англии, с помощью грамматик, словарей, и книг для чтения, по более рациональной системе чем грамматики

Панини, Махабхаша и Амара-Коша».

Вместе с тем переводы с «санскрита» становятся еще ниже качеством со словарем Горация Вильсона (1819). Далее Мюллер вспоминает о «сокровище», которое он собирал в «долине слез» во время своих странствий. От его неистощимого усердия переписчика не ускользнул ни один санскритский текст, находящийся в Европе. Почему эти тексты санскрита не датируются? Никто в его время этого не сделал. Наверное, не зря.

А в 1854 году бакалавр искусств из Оксфорда, издал вольный перевод английско-санскритского словаря, который стал известен по всему миру. Это был Уильям Моньер.

Позвольте мне в заключении привести короткий эпизод. Это описано на странице 289 биографии Максимилиана Мюллера: «Я сидел однажды в своём кабинете в Оксфорде, и переписывал санскритские тексты, когда мне неожиданно сообщили о визитере. Я увидел мужчину в черных одеяниях, который заговорил со мной на языке, с которого я не понял вообще ни единого слова. Я обратился к нему по-английски, и спросил о том, на каком языке он со мною говорит. После чего он спросил с огромным удивлением: «Вы не понимаете санскрита?» «Нет...» - говорю я, - «Я никогда не слышал и не говорил на этом языке, но у меня есть рукописей Вед, которые могут Вас заинтересовать. Он очень обрадовался, начал их читать, но не смог перевести ни слова. Когда я высказал своё удивление (лучше бы я этого не делал!), он сказал, что не верит в Веды, и вообще принял христианство. У него было крайне умное, задумчивое лицо, он был приятен в разговоре и высказывал глубокие мысли. Его имя было Никанта Горех. После принятия христианство он стал Нехемиах Горех.

Перевод с немецкого Святогоры